

УДК 821.161.1

Суровова Л.Ю.

ФРАНЦИЯ ГЛАЗАМИ И.С.ШМЕЛЕВА

Аннотация. В статье Л.Ю.Суровой рассматривается одна из важнейших проблем для всей русской эмиграции 20–30-х г. XX в., – жизнь в изгнании. Для тех, кто составил русскую эмигрантскую литературу, смена культурного пространства переживалась по-разному: особенно трудно пришлось писателям, черпавшим вдохновение исключительно из родного источника, в их творчестве тема России-родины стала центральной. Из их числа И.С.Шмелев. На его примере, как наиболее типичном, прослеживается освоение Европы: под каким углом воспринимала русская эмигрантская литература свою «веселую мачеху» (по меткому выражению Н.Туроверова) – Францию.

Ключевые слова: литература, эмиграция, культура, история, Россия, Франция, типическое, пространство, время.

Изгнанничество И.С.Шмелева началось еще до его бегства за границу – в Крыму, куда писатель с женой и сыном уехал из Москвы в июне 1918 г. В Алуште он приобрел небольшой участок земли, занимался любимым огородничеством, переживая тяжелое время. Печатал в севастопольской газете «Юг России» свои сатирические «контрреволюционные» сказки, предполагал отправиться на одном из кораблей с беженцами во время эвакуации врангелевской армии, но по каким-то обстоятельствам не проявил должной настойчивости в этом деле, остался на захваченном большевиками полуострове. За свою нерасторопность или неосмотрительность он поплатился сыном Сергеем, которого арестовали как белого офицера в ноябре 1920 г. и расстреляли в январе 1921 г. Шмелев узнал об этом в марте того же года, после обращения за помощью к А.М.Горькому. Пока о судьбе Сергея наводились справки приговор над ним был приведен в исполнение и Горький смог лишь облегчить участь Шмелевых тем, что выхлопотал для них разрешение вернуться в Москву. Перед отъездом в столицу писатель уже обдумывает план

покинуть Россию, где воцарились неприемлемые для него порядки: в новых условиях он творить не мог, здесь его ничто не держало. Как только представилась возможность получить командировку за границу, Шмелев, при поручительстве Н.С.Клестова-Ангарского, направляется во Францию якобы собирать материал для нового романа «Спас Черный» и поправлять здоровье.

В январе 1922 г. Шмелев на некоторое время задерживается в Берлине, ожидая французской визы. По-видимому, настрадавшись и натерпевшись (в письмах Горькому из Алушты Шмелев просил почти подаяния, описывая, чем он питается, а питался практически небольшим количеством хлеба), он почти утратил чувство собственного достоинства, нечеловеческие условия приучили его унижаться и просить, родился звериный инстинкт выживания. Но чувство юмора никогда не изменяло Шмелеву, – вот его непосредственное изложение событий с получением визы: «А может всему виной, что я показал в консульстве “красный” паспорт? Но у меня попросили, а я ведь на французском языке говорю, как цыган у Престола Господня. Даже электричество мигнуло в консульстве, и я почувствовал, что виза *n'est pas arrivée*. И м. б. и не *Z'arrivera jamais!* Но и сие принимаю с покорностью судьбы. Стал говорить, что племянница моей жены замужем за героем Вердена, черт возьми, и т.д., но боюсь, что мой язык был так взволнован, что они поняли, что я попросил на чай или делаю сообщение о загробной жизни. Они кивали головами, а самый старший, куривший в кресле сигару за 110 марок, вынул носовой платок и протер заслезившиеся глаза.<...>А посему: скажите, кому следует, что я имею намерение прославить Францию и, в частности, Париж, написав о нем в самом высоком тоне (для чего поднимусь на Эйфелеву башню и даже выше), что я “вечный русский”, как был “вечный жид”, что не взорву европейский мир (и мир), что не агент совы (это значит советской власти), а скорее сам – сова несчастная» (Из письма Ю.Кутыриной от 2 января 1922 г.) [6, код 177, л. 1]. Веселость Шмелева напускная: положение беженца и безысходность заставляют его страдать. Особенно трудно писателю будет привыкать к своему превращению в человека без роду и племени.

Для Шмелева якобы творческая командировка в Европу стала, по сути, открытием европейской культуры, его встречей с иной цивилизацией, тогда как многие из его собратьев по перу воспринимали за границу как свое, родное. Недаром первая из эмигрантских критических статей о Шмелеве была озаглавлена «Полет в Европу». Русские европейцы, в данном случае Зинаида Гиппиус, написавшая эту статью, сразу распознали, кто за границей чувствует себя иностранцем, а кому не придется здесь даже осваиваться. К последним, по мнению З.Н.Гиппиус, принадлежат Иван Бунин и Марк Алданов. Критик проводит четкую грань между разными типами писателей, занесенными из России в Европу: «Шмелев, как Бунин, весь русский, с головы до пят. Но у Бунина есть, сверх этого, магичность исключительного таланта и сдержанность, собранность; они приближают его к всемирности. Шмелев же остается русским, только русским, со всеми русскими и грехами, и дарами. В слишком-европейце Алданове есть жидковатость; слишком русский Шмелев так густ, что ложка стоит, а глотать – иной раз и подавишься. Чувства меры не имеет никакого» [1, с. 131].

В 1923 г. Шмелев послал Гиппиус письмо с рассказом о своем вхождении в новую среду. Он, гуляя с А.И.Куприным в пригороде Парижа, начинает воображать себе героев Мопассана и Жида, зашедших в ближайшее шале, чтобы отведать бисквиты под французское вино Шабли, а затем уехать в фиакре. Вообразив и описав романтическую встречу влюбленной парочки, писатель по контрасту дает зарисовку из будней парижских обывателей, он подчеркивает, что Париж – это совсем не тот город, что сулит только радости всем, кто в нем оказался. Особенно тяжела встреча с Европой в качестве изгнанника: «Но... приходится шмыгать в метро <...> Глядеть, как сырым утром котелки-котелки-котелки спешат захватить “обратный” за 30 сантимов, консьержки озябшими руками полощутся на тротуарах, обмывая подтеки ночных гуляк, и серьезные люди в балахонах набивают на антрэ траур с инициалами покойника, тащат полешки-хлеб, и объявившиеся во множестве русские растерянно мечутся в парижской суматохе <...> Сидишь будто на шумном чужом вокзале, без билета, багаж украли, и спросить некого, и не знаешь, куда идти. За вокзалом – огни и ночь, много огней и путаная от них ночь, и неудобный, бродяжный ветер... а люди шмыжут и шмыжут, валят и бегут толпами, проскакивают в дверки, едут в свое, к своим, и никто не замечает тебя, и ты растерян» [4, с. 125].

Разумеется, Шмелевым не пришлось ночевать на вокзале после прибытия в Париж. Их встретила племянница жены Юлия Кутырина, поселив дорогих дядю и тетю у себя в квартире. А лето 1923 г. Шмелевы по приглашению Бунина провели на его вилле в Грассе, где сложился даже литературный кружок: по соседству жили Мережковские, приезжали писатель Куприн и богослов А.В.Карташев. В нижнем этаже виллы Буниных завязывались оживленные беседы на волновавшие всех эмигрантов темы. Шмелеву отвели комнаты на третьем этаже. Там и продолжалась его работа над знаменитой эпопеей «Солнце мертвых», начатой еще на квартире Кутыриной. Казалось бы, условия для писательства создали ему благоприятные, климат он сам называл вначале «деликатным». Но Шмелева мучили разговоры, которые вели между собой Бунины и Мережковские, они спорили: кому из них присудят Нобелевскую премию, оставляя его, Шмелева, за бортом, не рассматривая его в качестве претендента. Это обижало; Кутыриной он дает наставления в письмах: скрывать от знакомых его успехи. Его произведения начали переводить на европейские языки, к нему проявляют интерес иностранцы, что увеличивает его шансы получить когда-нибудь самую престижную премию. Племянницу жены «милую Юлю» он посвящает в свои литературные дела, наделяя полномочиями личного секретаря. Ему приходится суетиться, устраиваться, заискивать; он испытывает неловкость за свое недостаточное знание языка, ему стыдно гоняться за гонорарами, но голову он держит, тем не менее, высоко, как и подобает русскому писателю. Вероятно, предугадывает, что скоро на Западе заговорят о его романе, ужасаясь картинам голода и смерти в Крыму, и что сам Томас Манн посетит его в маленькой нищей квартирке. Но пока он по-детски радуется любой удаче, даже если в результате иностранцы будут судить о его творчестве по некачественным переводам, лишь бы закрепиться на европейской «почве». Из письма Кутыриной от 14 июня 1923 г.: «вдруг получил ответ на то французское письмо, которое мы с твоей помощью и моей фантазией писали. Из Испании пришел ответ! И так скоро!! Очевидно, я их расшевелил! Шлют 125 пезет: пишут – илья кельк жур ну ву

завон анвуае ля сомм де 125 пезетас ан ву приан де ляксенте комм унь фебль марк (!) де нотр эстим! Но мало сего! Сие издательство, богатейшее изд. в Испании, имеющее дво-рец Книг!!!!!!! – просит меня продать им роман “Солнце Мертвых” и прислать его... во французском моем переводе. Каково мы письмецо-то загнули! Они воображают, очевидно, что я говорю и пишу сразу на всех языках, так я в том письме еще сам кое-что добавил на латинско-итальяно-испанском! Покупают его за 600 пезет (ты никому не говори подробностей, а то могут осерчать на меня) т. е. за сумму около 1500 фр. Конечно, немного, но ... курочка по зернышку и т. д. Лишь бы французский текст был (т. е. перевод) <...> Ах, ссуккины сыны! Достаточно, чтобы он был полон и совершенно точен и ясен. А они его уж в испанскую веру произведут. Это все равно, что смотреть любимую бабу через двадцать платков! И получится не Венера, а чучело огородное. Плевать, мне хоть на марсианский язык переводы, лишь бы я писал сам хорошо для своих читателей» [6, код 185, л. 14–15].

Отношения с Буниным и Мережковскими не складывались, в результате росло раздражение и недовольство, выразившееся в письмах племяннице: «а он, Бунин сверхнервный человек и хоть живем мы на свои средства, а все же не у себя! Это меня больше всего угнетает! Я им предлагал платить за дачу, но они и слышать не хотят <...> Все-таки, люди они хорошие, но не укладываются в душу целиком <...> И вся моя корреспонденция идет через руки Бунина, так как почтальон несет ему – он внизу обитает» (Из письма Ю.Кутыриной от 28 июля 1923 г.) [6, код 194, л. 34].

На произведения Шмелева возник спрос в Англии, писатель получал письма от переводчиков, которые сам не способен был прочесть. Приходилось обращаться к посредничеству Зинаиды Николаевны, старавшейся, как ему казалось, из зависти и соперничества, замалчивать некоторые фразы, например, не пожелавшей перевести Ивану Сергеевичу лестных выражений в его адрес (письмо от 21 июля 1923 г.). Это недовольство писателя, должно быть, выражалось очень явно и не укрылось от Мережковских, как не укрылась насмешка Шмелева над чопорностью и жеманностью Гиппиус, над ее пренебрежительным взглядом на русскость, которой многие эмигранты дорожили до бытовых мелочей. Явной обидой дышит ответное письмо Гиппиус, своим женским чутьем уловившей, что любезности Шмелева звучат неискренне.

Среди писателей, приезжавших к Бунину, родную душу Шмелев нашел в лице Куприна, ему поверялись откровенно мысли, планы, с ним можно было посплетничать о знакомых. В переписке с Куприным затронута огородная тема: «А здесь один адмирал дал мне русских огурцов! Посадил 13 августа. И теперь такие экземпляры! Вчера опыление первому совершил <...> Эх, если бы у меня здесь было 100 сажень земли с конурой! И я бы тогда – алер кричал храбро! Я бы был независим. У меня бы и огурцы к водке были, и красенькие, и картошка, и был бы я Гарун аль Рашид. <...> Выбили нас с земель! Выточили» (Из письма А. Куприну от 19 сент. 1923 г.) [7].

Очень близкое русскому человеку желание растить и садить не встречало понимания ни у Мережковских, ни у Бунина, воспринимаемое, по-видимому, как меццанство. Недаром

эмигрантской критике пришлось не по вкусу переизданная в Париже повесть Шмелева «Росстани», описывающая последние дни престарелого владельца бань. Вся утеха этого героя заключалась в наблюдении за собственным обширным огородом. И кончина происходит с первым зелененьким огурчиком в руке: порадовался урожаю и умер с блаженной улыбкой. Четой Мережковских, разумеется, такие восторги принимались за дикость, о чем Шмелев сообщал Куприну: «С Мережковскими у меня точек прикосновения не имеется, не имелось и не будет иметься и не может иметься. Они с Вельзевулом в бою пребывают извечно, и потому с людьми бывать разучились. Милые люди, ничего. К огурчикам подойдут: это...что же?! Ах, скажите!» [7].

Перед тем, как в 1923 г. покинуть Париж на летнее время, Шмелев уже успел и на общественных собраниях, и в статьях заявить свою позицию в отношении советской России. По этому поводу он пишет Кутыриной: «А демократам ничего не говори. Они гляди и так уж небось радостно сообщают о моих политических взглядах, т.е. что я юдофоб, монархист, националист и прочие» [Из письма Ю.Кутыриной 24 авг. 1923 г. (6, код 198, л. 42)]. Он скрывается от командированного во Францию Клестова-Ангарского, не желая с ним даже обсуждать вопрос о возможном возвращении на родину. Такая непримиримая позиция к политическому режиму в России сложилась у писателя благодаря знакомству с Карташевым, который оказывал на него сильнейшее влияние на протяжении всей жизни. По предложению Карташева он вступает в Русский национальный комитет, читает внимательно еженедельник «Борьба за Россию», в котором вел активную антибольшевистскую пропаганду богослов, – и в подражание другу пишет ряд антибольшевистских статей.

В письмах же богослову Иван Сергеевич в шуточной форме обыгрывает еще одну важную тему – вражду к латинскому Западу. Эта глубоко укорененная национальная особенность не раз была подмечена, истоки ее в давнишнем споре между двумя Церквями, Восточной и Западной. Но в эмиграции эта вражда переросла уже религиозные рамки и распространилась на политическую сферу. После уроков Второй мировой войны Карташев разоблачал претензии папского Запада на мировое господство: «Еще гордый папский Рим отверг весь Православный Восток, как схизматиков и еретиков, и завещал своему питомцу – Западу вражду к Востоку “дондеже покорит его под ноже свои”. Как бы ни восставал на свою старую воспитательницу – римскую церковь вольнодумный ея выученик – Запад (– и в гуманизме, и в реформации, и в революциях), но соблазнительный урок превозношения, презрения к Востоку и его державному аванпосту – России, он впитал с молоком матери и живет им до сего дня. Правда, подсознательно – латинская вражда к России теперь неузнаваемо перелицована. Россия для внерелигиозной новой Европы – страна азиатской тьмы и дикости. Она символ всяческой реакции» [2, с. 8–9].

Одна из сквозных тем эмигрантских произведений Шмелева, отразившаяся и в его центральном создании, очерках «Лето Господне», – ответ гордому Западу (особенно ярко он прозвучал в рассказе Шмелева «На пеньках», вызвав негодование со стороны критика Юрия Айхенвальда). Но любопытна именно первая реакция Ивана Сергеевича на встречу с иной, чуждой ему, незнакомой, многовековой культурой. Процитируем письмо Карташеву 1923 г. из Грасса:

«Предупреждаю: когда вступите через ворота Мон-Флери, на Вас пахнет резиденцией Папы Римского, проживавшего здесь по моим археолого-церковно-историческим исследованиям, именно в нашем парке. Я покажу Вам чудесный грот, где папа Климент XXXXXVII, (есть у меня сомнение не Бонифаций ли XXV?, ибо через дорогу живет прокурор республики, м. Бонифаций – д. б. потомок!) вздыхал и икал после трапезы, возлежа на каменной скамье и придумывая очередную каверзу против Генриха 127 и против, вообще, всего земного. Покажу пальмы, посаженные руками Святейшего Отца с помощью г. кардинала Рампопополли, пившего горькую, – наличность подвала не оставляет сомнения равно как и громадный склад пустых бутылок» (Из письма А.Карташеву от 24 авг. 1923 г.) [7]. Фантазия Шмелева однозначно рисует развратных и властолюбивых пап и нетрезвых служителей католической Церкви. Здесь проявила себя давно усвоенная схема, привезенная с родины, пока она еще не вылилась в форму грозного предостережения и обличения. В дальнейшем Шмелев пройдя через стадию отторжения попытается отыскать некий контакт с религиозностью Запада, настаивая, конечно, не без влияния Карташева, на миссионерской роли эмиграции (об этом и «Няня из Москвы» и неоконченный роман «Иностранец»).

Среди тем, приобретших для русских большое значение в эмиграции, надо назвать природу, климат, окружающую среду, ландшафт и т. п., а также тему убежища, своего угла, пятка земли. Шмелев постоянно в переписке упоминает об этих двух составляющих человеческой жизни, приобретших особый смысл для тех, кто покинул родину. Несмотря на искры заразительного смеха, рассыпанные в письмах своим корреспондентам, на выстраивание планов по изданию и переводу своих сочинений, на желание продолжать быть русским писателем на чужбине и служить будущей России, Шмелев подвержен приступам безразличия к окружающему. Он признается в очередном письме Кутыриной, находясь в гостях у Бунина: «Одним словом – все цели с моего горизонта поплыли, и если еще хочу чего... так это – перелететь, очутиться где-нибудь в глуши русской, в далеком от жилья свежем березовом лесу, на тихой поляне, в вечернем солнце. Иволга чтобы высвистывала, кукушка прокуковала мне – и лег бы я лицом в траву и простился...» (Из письма Ю.Кутыриной от 5 июля 1923 г.) [6, код 187, л. 19].

Однозначно, с обитателями виллы в Грассе Шмелев сосуществовал под одной крышей как чужак. В 1924 г. он уже подыскивает себе более подходящее место для отдыха, где будет проводить летние дни на протяжении десяти лет. Это Капбретон, – небольшой городок, близ океана. Там хорошо бродить по лесным тропинкам, ездить на велосипеде, а главное посещает муза: «хорошо работать – с кукушками». О своих писательских достижениях Шмелев сообщает Карташеву: «Послал в “Русскую Газету” статью “Глаза открываются”. Иногда зудит – черкнуть. Но весь отдался своей работе, и написал 3 рассказа – в ударе. “Два Ивана” послал “Рулю”, пойдет д. б. с воскресенья, в 2-3 №№ – большой. “Два Ивана”, как увидите – учитель и... дрогаль – интеллигенция и народ. Ну, а там пусть лают. Я вижу, как иные меня теперь принимают. Но глаза и душу ломать, и т. д. в творчестве – не могу. 2-й рассказ еще не переписал, но написал – “Старуха”. Он заменит 1000 статей о голоде, народе и прочем. Он меня смутил. Но я его взял с

маху. И 3-й – “Сила”. Д. б. придется смягчить, а то... лезет он, понимаете. Силач-борец Куды-Прё “сдал” перед им, махоньким и вострым, каким-то ком-зам-комдарма! Рассказ веселый. Дело происходит перед смертью, в товарном вагоне. Итак, как видите, я работаю» (Из письма А.Карташеву от 28 мая 1924 г.) [7]. Обратим внимание, что в приведенном отрывке из письма речь идет еще об одном шедевре после «Солнца Мертвых», родившемся у Шмелева «с лёту», за два дня – рассказ «Про одну старуху». Он станет визитной карточкой Шмелева для литературной публики эмиграции, с него начнется сотрудничество писателя с крупнейшим и влиятельнейшим журналом Русского зарубежья – «Современными Записками». Придирчивый критик, Г.Адамович, превознесет это творение Шмелева до небес. Вместе с двумя другими, упомянутыми Шмелевым в письме рассказами – «Два Ивана» и «Сила», «Про одну старуху» – это прорыв к познанию совершившейся в России трагедии, правдивый взгляд на падение русского человека, на его страшные грехи. После такого знания о разрушении человеческой души быстрое возрождение не произойдет. Именно к таким выводам приходит писатель в своем творчестве и в жизни.

В письмах Карташеву, он уговаривает своего друга приехать подышать сосновым воздухом: «Как бы хотелось перетащить Вас сюда, с Павлой Полиевктовной! Знаю, что Вы бы были здесь, как в лесах-песках Русского старого Поволжья, – можно притвориться, можно! – Если бы Вы решили хоть на десяток дней приехать!» (Из письма А.Карташеву от 12 сент. 1924 г.) [7]. Недаром проскальзывает в письме выражение «можно притвориться», притворством, иллюзией является всеобщая эмигрантская надежда на скорое падение большевиков, на скорое освобождение через кого угодно, хотя бы через Китай. Пока писатель шутит, хотя предмет берется серьезный: «О, Россия в самой прорве, но и всюду, всюду, как вдумаешься. А теперь вон “Китай подымается”! Помните, как народ-то про Китай думает? Уж как Китаю придет время “итить” – подыматься, ну... конец света подходит. Вот оно, провидчество-то! А я бы доволен был, если бы “китайнуло” на весь хамско-помойный свет: пришлось бы “друзьям человечества” либо испытать, либо разрешить “проблему”. От чертовой головни огонь-то как перекинуло! Все же сие – начало. Многое впереди» [7]. Когда разразится Вторая мировая, Шмелев будет первое время так же думать об особой миссии Германии в деле освобождения России от большевиков, но это продлится не долго. В начале своего изгнания он раздосадован политической позицией европейских держав, признавших новый советский режим. Шмелев очень мудро объясняет в письме Карташеву неправдоподобность всех эмигрантских чаяний на возвращение: «Но как вдумаешься в “баланс” русской жизни, что натворено и что изъято, и как опоганено и растлено, – мы же в неисконности, в такой нищете, перед такими последствиями, что голова никнет» [7].

Свое прозрение, неразрывно соединенное с отчаянием, Шмелев перенес в небольшой рассказ «Птицы», написанный в октябре 1924 г. Он сообщал Кутыриной из Капбретона: «Я написал этюд “Птицы”, на 250 строк, но тон, чую, кажется, вообще, и в своем роде, – лучший из моих рассказов, вообще, как этюд» (Из письма Ю.Кутыриной от 15 окт. 1924 г.) [3, с. 91]. Писатель пытается излечить своих читателей от миражей. Сюжет прост: маленькие русские птички, летящие стайками на побережье океана, попадают в сети и затем подаются к столу французским гурманам

как деликатес. Обманываются не только птички, но и рассказчик. Шалаши, где прячутся птицеловы, напоминают ему родные шалаши на Оке, «временное жилище плотогонов, маячников и луговых сторожей». Но это одна иллюзия: «Я стою на голых холмах песку, на океанском ветре и с щемящей тоской смотрю на знакомые шалаши. Чужая земля, чужие люди. Я хочу заглянуть вперед, но... зачем? Я почти знаю, что не увижу больше в родной земле по-детски ласкового, кроткого сердцем Касьяна с Красивой Мечи...» [5, с.184]. Через несколько лет, в 1927 г. Шмелев приступит к созданию самой великолепной и талантливой в эмигрантской литературе легенды о прошлом России, начнет писать роман в очерках «Лето Господне», воскресив лучшие и поэтические страницы московской старины, быт купеческой среды, из которой сам вышел. Он создаст своего Касьяна с Красивой Мечи – плотника Михаила Панкратьевича Горкина.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Антон Крайний*. Полет в Европу // Современные записки. – 1924. – Кн. 28. – С. 123–138.
- [2] *Карташев А.В.* Непримиримость // Возрождение. – 1949. – № 6. – С. 8–9.
- [3] Мой крестный: Воспоминания Ива Жантийома-Кутырина об Иване Сергеевиче Шмелеве. Письма И.С. Шмелева / Литер. и науч. обраб. Л Ю.Суровой. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2011. – 176 с.
- [4] *Сахаров В.* Ив. Шмелев: отражение в зеркале писем // Наше наследие. – 2001. – № 59–60. – С. 123–139.
- [5] *Шмелев И.С.* Собр. соч. В 5 т. Т. 2. Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика. – М.: Русская книга, 1998. – 512 с.
- [6] РФК, фонд И. С. Шмелева, оп. 6.
- [7] Columbia University BAR. Ms Coll Russ. Nats. Com.

© Суровова Л.Ю., 2015.

Статья поступила в редакцию 11.05.2015.

Суровова Людмила Юрьевна,

кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М.Горького (Москва),

e-mail: l.sur@mail.ru

FRANCE THROUGH THE EYES OF I.S.SHMELEV

Abstract. The author considers one of the major problems for the entire Russian emigration of 20-30th of XX century – the life in exile. Those who have made Russian emigration literature differently experienced the change of cultural space: especially difficult it was for writers, who drew inspiration exclusively from natural sources – in their work the theme of Russian homeland became central. One of them was I.S.Shmelev. On his example, the most typical, one can trace the familiarization of Europe: the angle at which Russian literature of Russian emigration perceived its «cheerful stepmother» (in the apt words by N.Turoverov) - France.

Key words: literature, emigration, culture, history, Russia, France, typical, space, time.

Surovova Lyudmila Yurievna,

PhD. in Philology,

Senior researcher, M.Gorky Institute of World Literature (Moscow),

e-mail: l.sur@mail.ru